

Я ПАМЯТНИК ВОЗДВИГ СЕБЕ НЕРУКОТВОРНЫЙ

Поиски, находки, публикации

1. Онегин из села Бабаи

К концу XVIII — началу XIX вв. роду Щербиных принадлежал добрый десяток деревень около Харькова. Один из Щербиных — владелец села Бабаи Петр Андреевич — считался человеком просвещенным, был близок с Г. С. Сковородой, который, как известно, был очень разборчив в выборе друзей среди сильных мира сего: помещики Слобожанщины почитали за высокую честь одно только посещение Сковородой их имений.

Внуки Петра Андреевича верно служили Отечеству на полях сражений во время войны с Наполеоном, а затем довольно быстро продвигались по службе. Они принадлежали к сообществу лихих гвардейцев, пленявших воображение лицеистов и юного Пушкина, страстно желавших подражать этим удалцам и повесам:

Я сам в себе уверен,
Я умник из глупцов,
Я маленький Каверин,
Лицейский Молоствов.

Петр Каверин, Памфамир Молоствов, Федор Юрьев и недавно вернувшийся из Ирана, куда он ездил в составе посольства А. П. Ермолова, Михаил Щербинин — вот те, к кому обращены многие стихотворения Пушкина 1819 года и, в том числе, эти строки:
Здорово, рыцери лихие
Любви, Свободы и вина!
Для нас, союзники молодые,
Надежды лампа зажжена.

(«Юрьеву»).

Следующий, 1820-й год разлучил Пушкина с его друзьями. Поэт отправился в южную ссылку, а вскоре разошлись пути и остальных «союзников молодых». В том же 1820-м году Михаил Щербинин получил назначение на Украину, а в 1821 году женился на сестре Петра Каверина Елизавете Павловне и поселился с нею в своем родовом имении в Бабаих. В 1824 году вышел в отставку в чине полковника. Затем он еще некоторое время служил председателем Харьковской гражданской палаты.

Обосновавшись в Бабаих, он решил выделить себе из совместного с братом наследства в полное владение село Жихор, где и стал создавать усадьбу.

Гостеприимный дом Щербиных был открыт и для друзей, а среди них было немало людей, принадлежавших к пушкинскому кругу. В Бабаи летом 1825 года на правах родственника приезжал женой, искрометный Петр Каверин. Был Михаил Деларю, поэт и переводчик, друг Дельвига, помогавший Пушкину избежать перлюстрации личной переписки. Гостем Щербиных был и самый близкий друг Пушкина Дельвиг, который в 1828 году некоторое время

жил в их имении вместе с женой. Дважды — в 1831 и 1835 г.г. у них останавливался Лев Сергеевич Пушкин, приезжавший по делам в Харьков и в Чугуев. Во время пребывания Дельвиг и Льва Пушкина имени Щербиных становилось одним из центров интенсивной переписки с великим поэтом.

Бывали у Щербиных и родственники близких друзей, михайловских соседей Пушкина — Вульфоз — Николай Игнатьевич Шениг, и граф Федор Толстой (Американец) — сват поэта.

Для всех хозяев и гостей, участников собраний и приемов в Бабаих и в Жихоре, Александр Сергеевич Пушкин, а для многих из них просто Саша Пушкин, был неотъемлемой частью их жизни.

Внук Михаила Щербины Ю. Н. Щербачев, опираясь на семейный архив в Бабаих и на воспоминания современников, в начале XX века написал книгу под названием «Приятель Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин», давно ставшую библиографической редкостью.

В ней он, сопоставив хронологию «Евгения Онегина» с фактами биографии своего деда, пришел к выводу, что Михаил Щербинин является прообразом пушкинского героя. По мнению Щербачева, Михаил Щербинин походил на Онегина всеми чертами своего характера и поведения, даже своим отношением к крестьянам, которым, как и Онегин

Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил.

Конечно, рассуждения Щербачева во многом нелепы, но они еще раз подтверждают гениальность пушкинского романа, образы которого вобрали в себя все характерные черты и обстоятельства первой трети XIX века в России так, что многие узнавали себя в его героях.

В 1939 году Государственный литературный музей в Москве приобрел альбом неизвестного, который, как потом было установлено, принадлежал М. А. Щербинину. В этом альбоме содержались такие произведения Пушкина, как «Деревня», «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...»), «Товарищам», «Промчались годы заточенья...»), «А. Орлову», «Вольность», «На Стурдзу» («Холоп венчанного солдата...»), «Горчакову», «Елизавете» («На лире скромной, благородной») и другие вольнолюбивые стихотворения. Там же 9 июля 1819 года рукою Пушкина были вписаны два стихотворения — «Веселый пир» и «Щербинину».

А совсем недавно в архиве III жандармского Отделения было обнаруже-

но дело «О показании подпрапорщика Курилова о слышанных им разговорах между майором Кавериним и г. Щербиным 1828 года». Показания Курилова касались встречи ехавшего с женой в Харькове Щербины с Кавериним в Калуге в августе 1825 года.

По словам Курилова, «разговор между г. Кавериним и Щербиным был следующий: что Россия имеет гнусное и притеснительное правление, не имеет никаких законов». Далее Курилов упоминает «дерзкие выражения насчет самого государя, в следующих стихах»:

Паситесь, дикие народы,
Вас не разбудит чести клич,
Наследство вам из рода в роды
Ярмо с гремушками и бич.

Курилов видел, как эти стихи извлек из своего портфеля и затем «громкогласно» читал М. А. Щербинин, который потом «говорил про какой-то тайный союз, утверждая, что оный в скором времени свершится». Напомним, что встреча их состоялась за четыре месяца до восстания декабристов.

Эти сведения придают совершенно иное освещение тому, созданному Щербачевым по семейным воспоминаниям, образу веселого, одеренного, но совершенно бездеятельного человека, эпикурейца по натуре, склонного к беспечным развлечениям и удовольствиям. Они еще более подтверждают «универсальность» Онегина, которого Пушкин в своих планах развития романа видел вблизи декабристов. К декабристскому движению были причастны и воспитанник пансиона при Харьковском университете Щербинин, и многие другие друзья поэта первых послепетербургских лет.

К тому же становится ясным, что альбом Щербины был одним из источников распространявшихся в Харькове в списках среди студентов и офицеров-чугуевцев вольнолюбивых стихов Пушкина — ведь именно стихотворение «Елизавете» было в числе «зловредных» сочинений, послуживших причиной следствия по делу одного из первых последекабристских нелегальных кружков — кружка В. Г. Розальона-Сошальского в Харькове, распространявшего декабристские идеи.

М. А. Щербинин умер в 1841 году на 48-м году жизни и был похоронен в своей родовой усыпальнице — в ограде церкви в Бабаих, но память о нем сохранили не скорбные слова, выбитые на могильном камне, а обращенные к нему легкие и прекрасные строки гениального поэта.

2. «Мне предстоял путь через Курск и Харьков»

1 мая 1829 года Александр Сергеевич Пушкин покинул Москву, направляясь на Кавказ, где в то время шла война с турками.

Путешествие в Арзрум было предпринято Пушкиным не в поисках острых ощущений и не из «охоты к переменам» — это был акт гражданского мужества, такой же, как, например, поездка Чехова на Сахалин. Вспоминая впоследствии свои странствия, Пушкин писал в одном из незаконченных набросков:

Я ехал в дальние края:
Не шумных... жаждал я;
Искал не злата, не чести
В пыли средь копий и огней.
Желал я душу освежить,
Бывалой жизнью пожить,
В забвении сладком близ друзей
Минувшей юности моей.

В этих стихах изложена главная цель путешествия в Арзрум — повидать друзей, одни из которых отбывали наказание за участие в декабрьском восстании, другие — удалились от дел и от царского гнева. Пушкин хотел их увидеть, говорить с ними, оценить урон, нанесенный русскому обществу разгромом декабристов. И маршрут его поездки по России был разработан тщательно, Харьков был одним из городов, который он намеревался посетить.

Еще в 1819 году жизнь России потряс Чугуев, восставшее военное поселение, усмирением которого занялся сам Аракчеев. Сразу же появляется эпиграмма:

В столице он — капрал,
в Чугуеве — Нерон.

Кинжала Зандова везде достоин он. Эпиграмма утверждала справедливость физического уничтожения Аракчеева, и в этом отношении удивительно ее совпадение с заявлением восставших: «Не хотим военного поселения — оно ничто иное как служба графу Аракчееву. Мы приняли решительные меры истребить его и знаем наперед, что с концом его разрушатся и военные поселения».

Эпиграмма приписывалась Пушкину. Его авторство до сих пор окончательно не доказано, но в каждом ее слове чувствуется Пушкин, молодой и бесстрашный, показывавший в театре портрет Лувеля с надписью «урок царям», и она по праву занимает свое место в современных собраниях стихотворений поэта рядом с другой, не менее известной и тоже адресованной Аракчееву эпиграммой: «Всей России притеснитель, губернаторов мучитель...».

О Харькове, об университете и его «Украинском вестнике» рассказывали Пушкину в Петербурге Рылеев и харьковчанин Орест Сомов, а в Кишиневе — «первый декабрист» — В. Ф. Раевский, бывший родом из дворян Слободской Украины.

«Украинский вестник» сменился другим университетским изданием — «Украинским журналом», на страницах которого появляются упоминания о Пушкине, поэтическая переписка с ним, оживает мир его героев. В это время в Харькове обосновывается Щербинин, в Чугуеве отбывает свое очередное разжалование Руфин Дорохов, который, как говорили в Харькове, состоял в переписке с поэтом, хотя его переписка тех лет не сохранилась. Потом пришло письмо от Дельвига, помеченное 18 февраля 1828 года: «Ваше поэтическое высокопревосходительство, честь имею довести вам, что я уже 10 дней нахожусь в г. Харькове. Где не перестаю говорить об вас с г.г. профессорами...».

Да, Харьков, в котором Пушкин никогда не бывал, был интересен ему. Разрабатывая свой путевой маршрут Москва — Кавказ через Калугу, Белев и Орел (в то время, как существовала «прямая Тифлисская дорога»), он планировал через Курск заехать в Харьков. Из всех встреч на этом пути в своем путевом дневнике и в «Путешествии в Арзрум» он упомянул лишь А. П. Ермолова, жившего в Орле. Однако не исключено, что в Калуге он встретился с П. Кавериним, от которого мог узнать

о доносе Курилова, обвинявшего Каверина и Щербины в распространении вольнолюбивых пушкинских стихов.

Если встреча с Кавериним предположительна, то о посещении под Орлом именины Черны, принадлежавшего Плещеевым, близко связанным с Карамзинными, Жуковским, Львом Пушкиным сохранились более достоверные свидетельства. Если же учесть, что с этой семьей был близок и Руфин Дорохов, женившийся через несколько лет на Марии Александровне Плещеевой — младшей, сестре владельца именины, то можно определенно утверждать, что там Пушкин получил точную информацию о том, что Дорохов и его друзья уже покинули Харьков и воюют на Кавказе.

Таким образом, к моменту своего прибытия в Орел Пушкин мог убедиться в том, что из всех, с кем он хотел бы увидеться в Харькове, остался один лишь друг его молодости Михаил Щербинин да и тот негласно находился под следствием по доносу Курилова, и прибытие к нему в гости Пушкина еще более усилило бы подозрения. Ехать же только ради встречи с профессорами Харьковского университета, которые, как писал ему Дельвиг, находились под сильным влиянием сочинений Булгарина, ему не хотелось. И тогда в его путевых записках появляются слова: «Мне предстоял путь через Курск и Харьков, но я своротил на прямую Тифлисскую дорогу, жертвуя хорошим обедом в Курском трактире и не любопытствуя посетить Харьковский университет». Позднее, в «Путешествии в Арзрум» он несколько изменил эту фразу, придав ей некоторый иронический смысл.

Дорохова и его друзей он через несколько недель нашел на Кавказе, а со Щербиным встретился в конце того же 1829 года в Петербурге.

И. ЛОСИЕВСКИЙ,
зав. отделом библиотеки им. В. Г.
Короленко.